

Тайге предоставлено слово

Зиси Вейцман, Беэр-Шева

В моём архиве удивительным образом сохранился пожелтевший от времени номер хабаровской краевой газеты «Молодой дальневосточник» от 10 января 1970 года. На традиционной субботней странице «Наш альманах», посвященной литературе и искусству края, в который в советские десятилетия входила Еврейская автономная область, опубликованы короткие воспоминания биробиджанской поэтессы Любы Вассерман о встречах с Эммануилом Казакевичем» и стихотворение самого Казакевича в переводе Леонида Школьника. В ту пору юного Л. Школьника, работавшего слесарем на местной обувной фабрике, писавшего стихи (в 1967 году в Хабаровске у него вышла первая книжка стихов «Доброта»), к тому же переводившего с идиша биробиджанских поэтов Э. Казакевича, Любу Вассерман и Ицика Бронфмана, охотно печатала как областная, так и краевая пресса. Потому в «Молодом дальневосточнике» и появилась публикация «Тайге предоставлено слово» - стихотворение Эммануила Казакевича и воспоминания Любы Вассерман в его переводе.

...Окончив машиностроительный техникум в Харькове, Эммануил Казакевич (1913-1962) восемнадцатилетним юнцом приехал в 1931 году на землю Биро-Биджанского национального района - будущей Еврейской автономной области (ЕАО). Кем он только ни трудился на новом месте: и председателем колхоза, и на строительстве дома культуры, одно время был даже директором еврейского театра. А ещё он писал стихи, по-еврейски, переводил на идиш Пушкина, Гейне, Маяковского. В 1932-м, за два года до того, как было провозглашено создание ЕАО, в книжных киосках Биробиджана поступил маленький поэтический сборник на еврейском языке под названием «Бирэбиджанбой» («Биробиджанстрой»), который стал и первой книгой молодого поэта, и первой книгой на идиш, изданной в новом таёжном городе, хотя этот посёлок из деревянных бараков городом, по сути, ещё не был. В середине тридцатых годов Эмка был литсотрудником газеты «Биробиджанер штерн», занимался переводами на идиш постановок для Биробиджанского государственного еврейского театра (БирГОСЕТ). В частности, перевёл пьесу Карла Гуцкова «Уриэль Акоста», написал собственную – «Милх ун Ыоник» («Молоко и мёд»), постановку которой местный еврейский театр осуществил лишь в предвоенные годы. В 1937 году Казакевич в силу сложившихся обстоятельств был вынужден покинуть Биробиджан. До начала войны Эммануил Казакевич успел ещё выпустить несколько поэтических книг на идише в московском издательстве «Дер эмес», среди которых «Гройсэ вэлт» («Большой мир», 1939), путевые очерки «Дер вэг кэйн Биробиджан» («Дорога в Биробиджан», 1940), «Шолэм ун Хавэ» (роман в стихах, 1941). Несмотря на слабое здоровье и плохое зрение, он во время войны проделал путь от рядового разведчика до помощника начальника разведки армии, заслужил три боевых ордена и звание майора. И ещё он принял участие в коллективном сборнике московских писателей «Фарн һэймланд, ин шлахт!» («За Родину, в бой!») с призывным стихотворением беречь страну, как зеницу ока.

Эм. Казакевич в 1932 году; повесть «Гринэ шотнс» («Звезда»)

После войны Казакевич перешёл на русскую прозу, блеснув своей замечательной повестью «Звезда», которая в еврейской версии называется «Гринэ шотнс» (Зелёные тени). Авторская версия этой повести на идише была опубликована в двух номерах газеты «Эйникайт» (апрель 1947), в варшавской «Фолкс-штимэ» («Голос народа»), вышла отдельной книгой в Москве («Дер эмес», 1947) и в варшавском издательстве «Идиш бух» (1954). Авторский вариант на идише романа «Весна на Одере» вышел в 1950 году в столице Уругвая (Монтевидео) отдельной книгой без обозначения переводчика. Писатель и журналист, бывший редактор газеты «Фолкс-штимэ» Гирш Смоляр (1905-1993) рассказывал, что сам автор отказывался от перевода этого романа на идиш. «Дер хойз ойфн штот-плац» («Дом на площади») – роман, который перевёл на идиш Пине Кац (1882-1959) был выпущен в издательстве «Һэймланд» (Буэнос-Айрес, 1957). Пине Кац был уроженцем одного из местечек Тираспольского уезда Херсонской губернии, в Аргентине редактировал крупную еврейскую газету «Ди пресэ» и каких-либо контактов с советским писателем Э. Казакевичем, разумеется, не имел. В одном из томов Краткой еврейской энциклопедии, изданной в Израиле на русском языке, а затем в материалах, подхваченных интернет-сайтами, бытует версия о том, что в конце 1950-х и начале 1960-х годов Э. Казакевич опубликовал в варшавских еврейских изданиях – в газете «Фолкс-штимэ» и в журнале «Идише шрифтен» статьи и критические заметки, а также переводы на идиш стихов Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Так вот: подобных статей и заметок, якобы напечатанных в упомянутых изданиях, не существует вовсе. Правда, был один материал в «Фолкс-штимэ», опубликованный через пять лет после смерти автора (1967), но это был перевод на идиш написанного когда-то по-русски предисловия к одному московскому изданию. Что касается переводов Казакевича на идиш русских и советских поэтов-классиков, а также его собственных стихов, то редакторы поступали довольно фривольно – перепечатывали из довоенных еврейских газетно-журнальных публикаций и сборников поэта.

Люба Вассерман и ее книга стихов, изданная в Тель-Авиве в 2015 году

Люба Вассерман (1907-1975) была старше Эммануила Казакевича на шесть лет. Можно даже прибавить ещё год-два. Родилась она в городке Славутич Седлецкой губернии Царства Польского, входившего в состав Российской империи, в очень бедной семье, в которой строго чтили традиции. Вот я упомянул здесь год рождения Любы и засомневался, так как в разных источниках эта дата указывается по разному: 1905, 1906, 1907... (Оставим же в этих заметках последнюю дату, 1907-й год, ибо она фигурирует в биографическом послесловии к её книжке стихов «Байм ям ун байм тайх» («У моря и у реки»), изданной в 2015 году в Тель-Авиве по инициативе и при активном участии её сына Серго Бенгельсдорфа.). В 1925 году Люба уехала в тогдашнюю подмандатную Палестину, работала в кибуце, на строительстве дорог, санитаркой в иерусалимской больнице. Участвовала в рабочем движении, примыкая к его левому крылу, несколько раз подвергалась арестам. Но были тогда в её жизни и радости: в 1931 году в Тель-Авиве вышел её первый сборник стихов «Фарнахтн» («Вечера»). В том же году как активистка иерусалимского комитета МОПРа (Международной организации помощи революции) по рекомендации её Палестинского ЦК выехала в СССР и прибыла в Москву. Окончив рабфак, там она вышла замуж за еврейского актёра Мойше Бенгельсдорфа, приехавшего из Аргентины. С радужными мечтами молодая пара уехала в 1934 году в Еврейскую автономную область. Люба Вассерман публиковалась в местных изданиях: газете «Биробиджанер штерн», журнале «Форпост» и московском литературном сборнике «Биробиджан» (1936). Во время разгрома еврейской культуры по сфабрикованному «биробиджанскому делу» вместе с остальными местными еврейскими писателями была репрессирована. До 1956 года Люба Вассерман пробыла в советских тюрьмах и лагерях.

После освобождения Люба вернулась в Биробиджан. Обманутая в своих мечтах и надеждах, добрая и наивная Люба, тем не менее, продолжала писать, публиковала стихи, рассказы и очерки в областных газетах, журнале «Советиш Геймланд», иногда – в варшавской «Фолкс-штимэ». В 1968 году в Хабаровске в переводе на русский язык вышла её книжка стихов «Горизонты». Последние три года жизни поэтесса провела в Кишинёве, перебравшись туда после смерти мужа к сыну Серго Бенгельсдорфу, концертмейстеру и

музыканту. В 1987 году в Хабаровске была издана её поэтическая книжка «Благословляю жизнь», составителем, автором предисловия и переводчиком которой был Леонид Школьник. И совсем уже недавно, в 2015 году, в Тель-Авиве вышла упомянутая аьше книга стихов Любы Вассерман «Байм ям ун байм тайх», в которых отражаются различные периоды в творчестве поэтессы.

... Вернёмся в тридцатые годы, к которым относятся воспоминания Любы Вассерман, опубликованные в «Молодом дальневосточнике». Как и вся тогдашняя пишущая биробиджанская молодежь, она часто встречалась и спорила на разные темы с будущим большим писателем Эммануилом Казакевичем. Особенно ей врезались в память две встречи. Первая, когда она только приехала на станцию Тихонькая (будущий Биробиджан) в 1934 году, а вторая – несколько лет спустя.

«...Эмке Казакевичу в то время было чуть больше двадцати. В длинной шинели, в сапогах, он был очень похож на пограничника. Его отец, один из первых редакторов газеты «Биробиджанер штерн» Геннах Казакевич сказал мне однажды: «Познакомься, мой сын Эмка.

Юноша стрельнул в меня глазами.

- Вы ещё не замёрзли здесь, в Тихонькой?

Он имел в виду мои полушубок, меховую шапку-ушанку и валенки. Казакевич холода не боялся и доказал это в первый же вечер нашего знакомства.

На нём была шинель, и, не замечая сильного мороза, он читал стихи. Читал Казакевич так жарко, с таким темпераментом, что, казалось, мог бы согреть большую группу людей.

Скрипел под ногами снег, висела луна в небе, а Эмка спрашивал:

- Вы когда-нибудь видели такую луну?

Он на мгновение задумался и продолжал:

- Как бочка расплавленной ртути...

И радовался найденному им образу.

Потом он наизусть читал «Die schlesischen Weber» («Силезские ткачи») Генриха Гейне. Читал их в подлиннике, на немецком, и, окончив чтение, говорил:

- Вот это талант, вот это мощь, как утёс среди поэтов...

И снова читал. Но уже звучали стихи Шекспира, Лермонтова.

Я вся превратилась в слух, забыла о диком холоде. Передо мной открывался новый мир. мир поэзии, и очень странно было, что этот худенький мальчик в длинной шинели владеет ключами от кладовой мировой культуры.

Он стоял среди заснеженных ночных деревьев, луна освещала его бледное, одухотворенное лицо, - Казакевич читал мне свои стихи.

И вторая встреча.

Мемориальная доска на доме в Театральном переулке, где жила Люба Вассерман

Однажды Эммануил предложил съездить в сопки. Компанию нам составили прозаик Давид Бергельсон и поэт Бузи Олевский. Бергельсон был пожилым человеком.

- Придётся искать машину,- сказал Эмка и исчез.

Некоторое время спустя он приехал на авто. Надо заметить, что в то время достать машину было очень трудно – в районе их насчитывалось всего несколько. Дорога была ужасной, нас трясло и мотало из стороны в сторону. Вдруг Эмка начал петь, сначала тихо, потом громче и громче. А когда мы взобрались на вершину сопки, Эмка поторогал рукой ствол тополя и сказал:

- В парках должны расти тополя, они ведь очень быстро растут...

Ещё не было города, но он уже видел его одетым в асфальт и зелень.

Он сидел под деревом, смотрел на узкую ленточку Биры и слушал тайгу. Казалось, что он впитывал всю её силу и красоту.

- Хотите послушать? – как-то застенчиво спросил Эмка и, не дожидаясь ответа, начал читать по-еврейски: «Тайге предоставлено слово...» (это стихотворение перевел на русский язык Леонид Школьник). Много позже оно выросло в маленькую поэму. Уже тогда Казакевич спорил с тайгой. Он был уверен, что на её месте встанет большой и чистый город. Таким я и запомнила Эммануила Казакевича».

* * *

Эм. Казакевич

*Тайге предоставлено слово,
Гражданка тайга говорит!
Тропинка то гаснет, то снова,
Как будто фонарик, горит.
Вы видите – моет речонка
корней золотистый металл,
и кроны деревьев, как чёлки,
мой ветер уже разметал.
И, лунные травы качая,
проносятся бурундуки,
и белки орехи швыряют
в лесные свои сундуки.*

Летучие мыши мелькают,
и утром, едва рассветёт,
олень, горделиво ступая,
к воде одиноко идёт.
Мой ветер взволнован и резок,
он чем-то похож на пращу. –
Эй, люди с огнём и железом,
я вас никуда не пущу!
Вы ждали, но ветер не сдался,
и я не настолько добра,
чтоб запросто вам доставался
березовый свет серебра!
Но люди на зависть упрямы,
и только стемнеет окрест,
приходят они с топорами
в уснувший, задумчивый лес.
И валятся в сонные травы
Деревья и хлопья коры, -
Я слышу, как слева и справа
Коварно стучат топоры.
И эхо вокруг раздаётся.
Бурильщики тоже пришли, -
отнюдь не легко достаётся
тот уголь, который нашли.
Я лес поднимаю в сраженьё.

мой ветер похож на пращу, -
эй, люди, вы все в окруженьи,
я вас никуда не пущу!..
Гражданка тайга, не шумите,
Спокойно, гражданочка, ша!
Мы – биробиджанцы, поймите,
шипящая ваша душа!
Проклятья и злость – бесполезны.
Сильнее всего – человек.
Сквозь холод, наветы, болезни –
Мы здесь остаёмся навек!

Перевел с идиша Леонид Школьник